

А

натолий Смышников выпустил уже две книги стихов и прозы: «Я брел дорогами вселенной» (Воронеж, 2013) и «О людях, для меня дорогих» (Воронеж, 2018). Это серьезная творческая заявка, которая требует серьезного разговора.

Нередко бывает так, что после первой книги написать лучше или хотя бы на том же уровне у автора не получается. Вторая книга А. Смышникова появилась через пять лет, но по уровню письма она не уступает первой.

Стихи А. Смышникова (проза в его книгах пока в роли довеска, она еще не вызрела ни сюжетно-композиционно, ни стилистически, ни жанрово) — не однодневки, в них отразилась наша турбулентная эпоха, перипетии судьбы современного человека, они содержательны, верны живой правде существования, написаны уверенной рукой, не побоюсь этого слова, мастера, человека, прошедшего огонь, воду и медные трубы испытаний, — вплоть до афганской войны.

В его стихотворениях зримо проступает новый характер лирического героя: не плачущий от своих и общих потерь и поражений, не скулящий перед провалами и преградами маменькин сынок, а созидатель и защитник, ни от чего не уклоняющийся, одолевающий и побеждающий. При этом он доволен жизнью, он умеет быть счастливым, что стало такой редкостью в

нашей словесности. По слову, интонациям, поступкам чувствуется, что автор стихов — личность сильная, цельная, прочная, надежная, порой подверженная неожиданным увлечениям и заморочкам, но с курса не сбивающаяся, — короче говоря, обыкновенный, «святой и грешный русский чудо-человек». Он живет отнюдь не по букве воинского устава или морального кодекса, однако главные заповеди (сам умри, а друга спаси) не нарушит. Он честен и перед собой, и перед людьми и никогда не пытается возвыситься за счет других.

Одно из главных испытаний на звание поэта — любовная лирика. Анатолий Смышников, кажется, это испытание выдержал. Стихи о любви у него горячие и страстные, в них и верность, и преданность, и соблазны, и даже измены, и первенство мужского начала, и самоирония, и сдача на милость в поединке одной-единственной.

Кто любит — ходит по ножу,
Но мне до этого нет дела,

— заявляет поэт.

Его стихи о любви, как и вся наша жизнь, и с солью, и с сахаром, и с перцем; он не щадит, не бережет ни себя, ни любимую, полон гнева и ревности, но и нежности, и понимания, и преданности.

Был на войне и так любил,
Как многим и не снилось!

«Мой Бог — любовь!» — решительно заявляет поэт, и «мы у любви всегда в долгу». Это трудно выразить словом, ведь в любовной лирике столько накопилось шаблонов, «много фраз пустых и лживых». Поэтому надо порой идти на риск, обострять ситуацию, чтобы приблизиться к сути происходящего.

Я часто ускользал из-под пяты.
Гулял. А ты стояла у плиты.
Да, я предатель. Был им, есть и буду, —
Пусть Бог меня накажет, но не ты.

Сколько цветов и звезд, сколько немыслимых сравнений пошло на то, чтобы выразить красоту и властное обаяние женщины! У Смышникова женщина — как своенравный цветок, дыхание соблазна, она «благоуханнее, чем роза». А дальше он находит такие неожиданные слова — домашние, семейные и в то же время возвышенные, которые не встретите ни у кого: «Так пахнет снегом полотно, в дом занесенное с мороза».

В наше время жизнь стала обозримее, чем ранее, мы оперируем уже не днями и годами, а веками, эпохами. Она оказалась короткой, не вечной, каждый миг нам кажется последним. Каково тебе жить, когда ты знаешь, что твой срок измерим и конечен? Отсюда надрывное, постмодернистское бунтарство против вечных истин и ценностей, а то и визгливое их отрицание. Искусство с утратой Бога — чувства неизбежности и вечности — становится мятущимся, чрезмерно возбужденным, нервным, даже истеричным, бросается к необычайным, неэстетическим, низовым способам выражения, шокируя публику. Пушкинский завет «Прекрасное должно быть величаво» вряд ли исполним в наши дни. Анатолий Смышников стремится оставаться самим собой, не выпрыгивать из себя, не звездиться и не рисоваться перед беснующейся публикой. Каждый стихотворец спешит предъяснить убедительный портрет своей поэзии: какая она? чем отличается от других? откуда и зачем явилась на белый свет? как она рождается и куда устремлена? и т.п. Поэзия для нашего автора — продолжение душевного огня. «Стихи рождаются в любви» — эта формула почти рефреном проходит по страницам его книг. Без вспыхнувшего костра в груди, без сердечного жара не родится строка, стиху

надо отдать всего себя — и тогда каждая буква засветится в нем. «Стихи мои — я весь из вас», — признается поэт. Выстраивая строки по своему замыслу, он возводит мост над водами забвенья, прокладывает дорогу к будущему. Поэту от Бога дано «вселять надежду и любовь», оживлять память в людях.

Моя душа — не мертвая порода.
В ней рода след и летопись народа,
И веры заповедная Скрижаль.

Герой его стихотворений — человек решительного, смелого поступка, открытого, резкого слова, кому-то он может показаться играющим какую-то заданную роль. Нет, таким воспитала его наша русская жизнь, история семьи, афганские дороги и окопы, отчаянные девяностые. Какой розовой говорильней кипела советская повседневность, а на самом деле и трепала, и била, и калечила — но и закаляла для будущих испытаний.

Стихи об Афгане (краткое, но емкое слово, в нем судьба не только ограниченно контингента, но и советской державы) — особые страницы в книгах А. Смышникова. Кажется, они войдут в антологию русской поэзии о войне. В них человек, явленный на пределе испытаний, очищается от всякой шелухи и незаметно для себя самого совершает подвиг. Идущий на смертный бой ждет письма от любимой, но, не дождавшись, переключается со своих огорчений на общую ситуацию.

И хорошо, что писем нет.
Работы меньше вертолетам.

Ведь их так часто сбивали в горах моджахеды... С товарищем по землянке «ладили плохо», он скандалил, страшно матерился, однако по-братски делились хлебом и водкой. Перед самым дембелем он рухнул со своим «КамАЗом» при обстреле в пропасть. И нет больше Лехи...

А я в том бою не погиб, я пробился,
Вот только ругаться, как он, научился.

Вряд ли кто осудит этих «адских водителей» за подобный речевой излишек, тут ядреный русский мат произволен, как дыхание, он как нельзя к месту у смерти на краю, а в финале стихотворения мат исполняет роль памяти о погибшем товарище.

Лирический герой афганских стихов готов взять вину на себя (страна-то и тогда, и после не особенно брала) за каждого погибшего, как и за того шоферюгу, пропахшего дымом и соляркой, сутками не вылезавшего из-за руля. Ему с ним больше не встретиться, как и со многими другими. Один получил пулю на перевале, другой сорвался с машиной в пропасть, третий сгорел за рулем, четвертого сразил осколок. А вот тот «стукач», кого по ночам вызывал особист, «знаю — жив».

Каждому слову об Афгане веришь, они все еще горячие, пахнут кровью и порохом, в них не только поэтическая правда, но и живая, проверенная на себе. В них высокое, романтически-юношеское сплывилось в огне войны со смертоносной реальностью, трезвой иронией и бесшабашной грубостью. Когда приходили во все края страны оцинкованные гробы (груз 200), это казалось каким-то мистическим ужасом. Как? За что? За какие грехи сложили головы вчерашние школьники на далекой и страшной земле? А они героически бились и жили по-своему, не зная, что и о них сложат стихи и легенды.

Мы знали, что можем вернуться едва ли,
Но все-таки шли, потому что любили,
Но все-таки шли, потому что мечтали.

Все войны похожи одна на другую, разница только в деталях. У Анатолия Смышникова много мотивов и ситуаций, схваченных поэзией Великой Отечественной: диалог со Смертью, мотивы воды и пищи, дружбы и любви и т.п. Но в Афгане война — плюс к той, Великой, она в иное время и с иными целями (нет мотива защиты или освобождения Родины), и враги другие, идейно не мотивированные. Она не такая массовая, порой в одиночку, личная, а потому более прочувствованная, более ожесточенная.

Мне скалы Афгана грозили оскалом,
Я знал перевод автоматного лая.
И кожу с ладоней сдирая о скалы,
Не знаю, как выжил в огне Келагая.

В «Солдатской оптимистической» войны Афгана живут в кредит у Смерти — «старухи злой» (вспоминается глава «Смерть и воин» из «Василия Теркина»), живут вроде бы беззаботно, но до поры до времени.

Скрепив с судьбою договор,
Живем беспечно,
Развлекаясь и скучая.
Но наша жизнь — большой кредит,
А смерть — суровый кредитор,
Ладшки трет
И ходит следом, докучая.
В удобный час предъявит счет
И оберет нас до усов —
У этой шельмы
Нет ни совести, ни чести...
Я был в бою почти убит.
И в кровью налитых глазах
Явилась вмиг
Передо мной старуха злая.
Но я был сух и деловит.
И ей с презрением сказал:
«Какой там долг?»
Идите прочь, я вас не знаю!»

Афганская эпопея вписана тут в современность, окружена часто звучащими словечками: кредит, кредитор, счет, долг, а Смерть явилась в двух ролях: она еще и коллектор...

Перед самыми девянностями вернулся герой-афганец на родину, но не по-доброму встретила она его (прочитайте еще раз «Рассказ таксиста»). Однако и дома встреча оказалась непростой. В стихотворении, по-платоновски названном «Возвращение», пришлось еще раз одолевать войну. Казалось бы, радостное событие: человек остался жив, вернулся домой, но не в тот дом, откуда уходил. И он постарел душой, и она стала другой, всякое было за время войны, оба сбивались с пути.

Разве я виноват, разве ты виновата,
Что начало любви вдруг совпало с войной?

Война встала между ними стеной, заслонила то, что было, заставила жить мгновениями, и обоим больно теперь перед встречей.

И хоть знаю, что время спасет и излечит,
Возвращаться порой тяжелей, чем уйти.

Но больно не только от встречи, а и от разлуки вечной с боевыми товарищами: он вернулся, а они там нашли свою гибель.

Я буду молиться, мне много простится,
Лишь жизнь после них не простится уже.

Чувство вины и боли за все и всех — за погибшего товарища, за пересохшую речку, за дрожащего в стогу зайца, за которым он весь день с ружьем гонялся, но прошел мимо, не выстрелив, за уходящее бабье лето, — не что иное как любовь к миру и ответственность за него.

Открытый всем ветрам стою,
Готовый песнями пролиться,
И как тут сердцем не влюбиться
В Россию милую мою.

Пейзажная лирика А. Смышникова так же важна, как и остальные стихи. Картины его свежи, как после грозы и ливня, в них все зримо и ощутимо: и пряный запах цветущих лилий, и дрожащий рассвет над водой, и сверкающий росой луг, и звонкие трели «чумового соловья», и заиндевелый сонный лес, и кем-то продолбленная во льду лунка.

Услышь, очнись, душа,
Заботам вопреки,
Напевы камыша
И тихий плеск реки.
Божественный клавиш
Звучит со всех сторон!
Как добр и ласков мир,
Как полон жизнью он.

Давно не слышалось таких слов, таких призывов в нашей поэзии.

